

Драко

Оборви мои крылья

Сказка

9–е, 219 год.

Здесь так холодно... Меня предупреждали, что будет холодно, но я редко слушаю предупреждения. Здесь не хватает света. Не хватает тепла.

Вечерами здесь бывает туман, густой, холодный, вездесущий. Вокруг башни совсем не растут деревья, и, когда дует ветер, капельки влаги стекают по стенам, будто камни потеют. Только камни не могут потеть. Они плачут о впустую растроченной юности.

Каждое утро, просыпаясь под нежный перестук капель, всеми частичками своей дряхлой души я чувствую старость окружающего мира. Тишина сгорает в свечном пламени, инеем ложится на мои волосы. Само море, безграничное море, здесь кажется серым и грязным.

Раньше я жил в другом месте. Там тоже было море, даже скалы – совсем как здесь. Но там было тепло. По ночам светлячки слетались к моей хижине, рассаживались на крыше, сотни и тысячи светлячков... Будь я птицей, мне, наверно, казалось бы, что от звездного неба откололся кусочек и прилетел, подобно светлячку, на берег теплого моря.

Только я не птица.

Первое пламя

Солнце, корчась в предсмертных судорогах, цеплялось последними лучами за исчезающий горизонт. Удар! Удар! Тучи нависали над гибнущим светилом, молния за молнией отсекая ему сверкающие пальцы. Далеко внизу возмущенно шумел океан, но что мог сделать старик, никогда не имевший крыльев...

Только отвернуться, закрыть глаза, не видеть. Кутаясь в дырявую туманную накидку, озябший океан угрюмо шагал взад–вперед, от берега к берегу. Он не смотрел вверх.

Одна из мириадов песчинок, хрустевших под ногами океана, тоже не смотрела вверх. Человек был стар и уродлив, его большую голову покрывали редкие седые волосы. Лицо когда-то, должно быть, отличалось благородством черт, но годы пьянства и разгула превратили его в невыразительный мясистый блин, изуродованный несколькими ножевыми шрамами. Много лет назад гарпун, пущенный в кита, задел человеку бок, навсегда перекосив его тело и лишив левую ногу подвижности. С тех пор, при ходьбе человек опирался на костыль.

Его так и звали – Костылем. Настоящее имя все давно позабыли, не помнил и сам хозяин. В те немногие дни, когда в башне гостили проезжие, Костыль с гордостью рассказывал им, что обучен грамоте, даже показывал замызганный свиток, якобы свой дневник. Последние годы, правда, ставить его похвальбу под сомнение было некому.

Костыль одиноко жил на утесе, кинжалом рассекавшим морские волны у северной оконечности Альбиона. Здесь веками стоял маяк, спасавший корабли от жестокой смерти на скалах. Каждый вечер, год за годом, Костыль взбирался на вершину древней башни, протирали изогнутое бронзовое зеркало, наливал в светильник зеленоватое, дурно пахнущее китовое масло и поджигал его волшебным стерженьком, полученным в наследство от предыдущего смотрителя. Это давно превратилось в ритуал.

Он никогда не видел корабли, которые спасал. Ночами выходить из башни было опасно; по берегу, в поисках рыб и утопленников шныряли оборотни, несколько раз оголодавшие вампиры пытались уговорить Костыля пригласить их в дом. Старый смотритель давно привык к таким соседям.

Обычные люди редко посещали маяк. Три–четыре раза в год, большой королевский обоз завозил провиант и бочки со светильным маслом, время от времени заблудившиеся путешественники искали в башне спасения от ночных страхов. Костыль не любил гостей, и старался побыстрее выпроводить каждого такого беднягу.

Глубоко в подвале смотритель хранил золото. Остатки от прежних буйных лет, наследство предшественников, королевское жалованье и подарки, изредка подносимые морем – там накопилось уже довольно много. Детей у Костыля не было, по крайней мере он о них не слышал, и сокровища должны были достаться следующему смотрителю. Поэтому старик выпроваживал всех, кто пытался навязаться к нему в помощники.

А еще, иногда, в туманные ночи, к башне приходили люди с оружием. Тогда Костыль надевал старую меховую телогрейку, ушанку, взваливал на спину тяжелый сундук и исчезал до утра вместе с гостями. Возвращался он всегда один, ставил полегчавший сундук на место и шел в подвал, к тайнику. В такие ночи Костыль добавлял к своим сокровищам несколько золотых монет.

Он и правда умел писать. Это занятие было ему по нраву, так Костыль развлекал себя бесконечно нудными вечерами, когда спать еще не хотелось, а погода была слишком хорошей для ночных визитов.

12–е, 221 год.

Вчера был шторм. Я промок до нитки. Они сказали "плевать на дождь, нужен огонь". Хотя помогли смастерить навес...

В этот раз мы ждали очень долго, почти до утра. Они ругались друг с другом, на меня никто не обращал внимания. Под утро, наконец, прискакал всадник, крикнул "есть!", и все бросились за ним. Навес опрокинули, пламя угасло. Пока я разжигал его вновь, прекратился дождь. Холодный северный ветер развеял туман, показалась луна и внизу, на пляже, тусклым серебром заблестели россыпи дохлых рыб. Шторм выдался на славу!

Я слышал, как кричат где-то вдали, кажется там кто-то дрался. Я не понимаю, почему они дерутся, но лучше не спрашивать. Иногда они даже убивают друг друга; в такие ночи вместо золота мне платят лишь угрюмыми взглядами.

На сей раз, к счастью, никого не убили. Когда они вернулись, главный отозвал меня в сторону и спросил, что я предпочитаю – деньги, как обычно, или редкостную диковину. Это звучало так странно, что я немного испугался.

"Диковину", сказал я. Тогда они дали мне открытую деревянную коробку, где сидела красивая птица размером с собаку. "Зачем мне птица?" – спросил я, но главный рассмеялся и сказал "приглядишься".

Я пригляделся. У птицы оказались четыре львиные лапы, львиный хвост и высокие уши с кисточками, словно у рыси. "Это детеныш грифона", объяснил главный.

"Почему он не в клетке?" – спросил я. Они помрачнели и переглянулись. "Не выносит", – глухо сказал главный, и спросил, возьму ли я детеныша или его следует утопить.

Я посмотрел на грифона. В его золотых орлиных глазах отражался страх. Детеныш затравлено озирался, крутился в коробке, клацал клювом, если кто-нибудь подносил к нему руку. Мне не хотелось, чтобы его топили, и я согласился.

"Что едят грифоны?"

"Корми его, как кормил бы кошку", посоветовал главный. Я хотел сказать, что никогда не кормил кошек, но они были в плохом настроении и сердить их лишний раз я не стал.

"Ладно, разберусь," – ответил я, поставил коробку на камни и принялся собирать вещи. Другие седлали коней.

Когда все уже скрылись в предрассветном сумраке, главный вдруг обернулся:

"Не учи его говорить", – предупредил он. – "Потом пожалеешь".

Мне бы и в голову не пришло учить грифона человеческой речи, я собирался отдать его первому же путнику. Но после этих слов я понял, что зверек останется в башне надолго.

Второе пламя

Первое время Костыль никак не мог привыкнуть к грифону. Коробку он выбросил, соорудив для ее бывшего обитателя небольшой домик в чулане, поставил поддон с песком, миску. Грифончик вначале царапался и шелкал клювом, но спустя несколько дней привык и лишь вздрагивал, когда Костыль приносил ему пищу.

Старик не сразу придумал имя своему питомцу. Он долго рылся в сундуках, пока не отыскал позеленевшую от старости книгу с выцветшей надписью "Бестиарий" на обложке. Там Костыль прочитал, что грифоны рождаются из морской пены в ночь полной луны, и самый сильный детеныш поедает остальных; крылаты только самцы, а самки живут под водой, похожие на бледных золотых рыб; едят грифоны юных девственниц, которых заманивают в свои логова, приняв облик прекрасного принца; перо грифона обладает волшебными свойствами и, если сжечь его в последнюю полночь первого месяца последнего года столетия, пред магом явится демон Иглирмертан, который...

Дочитав до этого места, Костыль плюнул и положил книгу обратно в сундук. Грифончик уже не царапался, когда его брали на руки; осмотрев зверька, Костыль убедился, что перед ним самочка, и решил назвать ее просто Птицей. А чтобы его питомицу ненароком не посчитали дикой, старик отполировал большую медную монету, выгравировал на ней надпись "Королевская собственность" и повязал своеобразный медальон грифонушке на шею. Та с недовольством восприняла украшение, несколько раз срывала ленточку, но постепенно привыкла.

Привык и Костыль. Спустя пару месяцев он перевел Птицу из чулана в главную комнату, где был камин: грифоны, подобно кошкам, очень любили тепло. Характер у Птицы оказался веселым и шаловливым, она наполнила жизнь одинокого старика новыми красками. Вопреки предупреждению ночного гостя, Костыль не смог удержаться и, слово за словом, вскоре начал учить грифонушку разговаривать. Та впитывала знания быстрее любого человеческого ребенка.

Шло время. Как и раньше, Костыль еженощно взбирался на вершину маяка, хотя с каждым годом ему становилось все труднее подниматься по лестницам. Когда

возвращались ночные гости, Костыль запирали Птицу в чулане; люди не спрашивали о судьбе своего подарка, а старик не желал лишней раз привлекать к себе внимание. Так, день за днем, пролетело три года.

Грифоночка за это время научилась не только говорить, но и читать. Она заметно подросла и, хотя летать еще не умела, уже обрела ту таинственную красоту, что позволяет мгновенно узнать хищника.

Костыля она звала "дедушкой". Птица часто взбиралась на башню и стояла там, на самом краю пропасти глубиной в сотню ярдов, расправив тонкие крылышки по ветру. В отличие от кошек, грифоночка очень редко жмурила глаза.

Однажды вечером, в холодный дождь, Костыль поскользнулся на лестнице и сильно ушиб ногу. Птица помогла старику добраться до постели. К утру нога распухла и потеряла чувствительность; Костыль не мог подняться на башню, чтобы зажечь огонь. А по королевскому закону, если маяк останется темным хоть одну ночь, смотрителя должны заменить...

Маяк не остался темным. Костыль нервничал и вертел в пальцах грифонье перо; когда Птица вернулась, он подробно ее расспросил, но успокоился лишь, когда грифоночка вышла из башни с зеркалом и через окно отразила ему свет маяка. Птица была очень довольна своими новыми обязанностями.

С тех пор жизнь старика стала другой. Он по-прежнему уходил в ночь с таинственными гостями, но в остальном, грифоночка почти избавила Костыля от утомительных обязанностей смотрителя. Она очень быстро всему училась. Передние лапы грифона в ловкости не уступали человеческим рукам, выносливостью Птица напоминала скорее волка, нежели кошку, и постепенно Костыль переложил на ее пернатые плечи всю заботу о маяке.

Миновало еще несколько лет. Птица училась летать. Целыми днями напролет она тренировала крылья, взбираясь на башню и по спирали планируя к морю. Местные жители давно знали, что на старом маяке поселился грифон, и нередко приходили поглазеть на диковину. Однако Птица была очень скрытной и нелюдимой со всеми, кроме Костыля.

Однажды в нее выстрелил из арбалета проезжий солдат. Слегка задел крыло. Когда Птица рассказала об этом старому смотрителю, тот пришел в ярость и на целый

день покинул маяк. Вечером Костыль вернулся, ничего не сказал и лишь смазал крыло Птицы целебным бальзамом.

Солдата нашли спустя сутки.

2-е, 230 год.

Сегодня утром я вышел из дома и увидел, как Птица беседует со взрослым сизокрылым грифоном. Завидев меня, тот прыгнул с утеса и умчался на север.

"Кто это был?" – спросил я. Птица смущенно топталась на месте.

"Его зовут Н'ктар"

"Откуда он взялся?"

"Мы... уже давно знакомы."

Я задал прямой вопрос. Птица распушила все перья от возмущения.

"Нет! Он учит меня летать."

"Откуда он?"

"С севера"

"Грифоны живут на севере?"

Она не ответила.

Ближе к концу дня я послал Птицу на берег, набрать свежей рыбы для ужина. Едва она скрылась из виду, возле башни с шумом опустился знакомый сизый грифон.

"Что тебе нужно?" – спросил я.

Грифон молча указал вниз, где у подножия утеса Птица собирала рыбу.

"Ты не умеешь говорить?"

Он покачал головой, открыл клюв и провел крылом перед собой, словно очертив барьер. Я присел на замшелый камень.

"Хочешь забрать ее?"

Грифон резко, по-птичьему кивнул.

"А причем тут я?"

Он возмущенно фыркнул и мотнул головой в сторону берега.

"Я не держу ее силой," – сказал я. – "Если она не хочет лететь с тобой, на то ее воля."

Грифон смерил меня гневным взглядом, распахнул крылья и взмыл навстречу низким, набухшим влагой тучам. Он сразу пропал в серой дымке, с моря вновь надвигался туман. Спустя некоторое время рядом опустилась Птица.

"О чем вы говорили?" – спросила она.

"Так твой приятель все же умеет говорить?"

"Он молчал с тобой?!" – грифоночка отпрянула. В ее золотых глазах впервые с начала нашего знакомства отразился страх, все перья поднялись дыбом. Я нахмурил брови.

"Что означает этот обычай? Он собирается меня убить?"

"Нет..." – было заметно, как потрясенная Птица усилием воли взяла себя в лапы. – "Нет, нет, ничего подобного... Я... Я должна подумать."

Поминутно оглядываясь, она поднялась к маяку и скрылась за дверями. Я остался наедине с умирающим Солнцем.

Немного позже

– Я читала его дневник, – тихо сказала Птица. – И ты тоже читал.

Н'ктар постукивал когтями по мрамору.

– Это ничего не значит, – он смотрел в океан.

– Ты не хуже меня знаешь, как сильно я ему нужна.

– Видит ветер, ты уже превысила все возможные гра...

– Нет! У милосердия нет и не может быть границ.

– Что же ты предлагаешь? – резко спросил грифон.

Птица молча провела крылом перед собой.

Очертила барьер.

Третье пламя

Костыль умер в постели, тихо и без мучений. Грифоночка была с ним до самого конца. В последний раз открыв глаза, старик улыбнулся и прошептал несколько слов. Птица молча кивнула.

Вечером она подняла тело Костыля на вершину башни, где под свинцовыми тучами тускло блестел отражатель главного фонаря. Этой ночью штурманы кораблей, проплывавших вблизи утеса, могли бы удивиться яркости старого маяка, но ни один корабль не бороздил хмурое осеннее море. В полном одиночестве Птица развеяла прах Костыля по ветру и долго стояла на краю пропасти, зажмурив глаза. Что творилось в ее душе, не ведал никто.

Утром прилетел Н'ктар. Он пытался уговорить Птицу покинуть башню и лететь вместе с ним, но грифоночка отказалась. Н'ктар обещал заглянуть позже, на случай если она передумает. Птица лишь улыбнулась.

Дни летели, словно испуганные призрачные лебеди. Маяк продолжал исправно светить, и никто не догадывался, что одинокого зрителя скоро второй месяц как не стало. Когда приехал королевский обоз, Птица сказала, что Костыль болен, и сама расписалась в получении груза. Люди давно знали, что на маяке живет говорящий грифон. Все прошло гладко.

– Почему ты не улетаешь? – спросил Н'ктар во время следующего визита. Сизый еще не потерял надежду уговорить Птицу вернуться к родному народу.

– Я жду, – ответила она.

– Чего?

– Узнаю, когда дождусь.

В тот раз, покачав головой, Н'ктар улетел. Но Птица не хуже него понимала, что рано или поздно ей придется оставить гнездо. Тем не менее, день за днем, ночь за ночью она ждала – и наконец, в туманную февральскую ночь ее терпение было вознаграждено. В дверь сильно постучали особым ритмом.

Грифоночка вышла из башни. Было полнолуние, но туман начисто скрывал небосвод и, в лунном свете, казалось, полыхал сам воздух. Снег вокруг маяка сверкал девственной чистотой, крылатые не оставляют следов. Отряд угрюмых людей ожидал у подножия утеса.

– Где старик? – спросил предводитель. Пар вырывался из его рта, оседая мириадами льдинок на черный металл кольчуги.

– Умер полгода назад.

– Умер? – воин поднял брови. Птица быстро шагнула вперед:

– Я могу заменить.

Предводитель тяжело покачал головой.

– Нет.

– Я справлюсь! – горячо возразила грифоночка.

– Верю, – сказал человек. – Ты справишься с нашим делом, но тебе никогда не справиться с собой. Прощай.

Стиснув когти, Птица молча смотрела, как предводитель спускается к ожидающим его воинам и садится на коня. Отряд быстро растворился в тумане. Грифоночка в ярости процарапала на снегу пять глубоких бороздок.

– Я все равно одолею вас! – прорычала она, хлеща себя хвостом. Но слышать ее было некому, поэтому, продрогнув на морозе, угрюмая Птица вернулась в башню и опустилась на ковер у очага. Еще ни разу со дня смерти Костыля ей так не хотелось заплакать.

Шло время. Зима кончилась, из теплых краев, не спеша, потянулись птичьи стаи. Грифоночку влекло в небо, она сама не понимала, почему с таким упорством держится за старый маяк. В последнее время даже Н'ктар перестал ее навещать.

Птица уверяла себя, что дело в обычном весеннем беспокойстве, ведь у Н'ктара была семья. Скорее всего, сизый грифон слишком занят воспитанием малышей. Он не забыл про одинокую Птицу, он просто занят...

Однажды вечером, в канун апреля, грифоночка, как всегда, запалила маяк и промчалась над пляжем, выполняя обычный облет окрестностей. И внезапно заметила у подножья утеса страшно тощего, почти обнаженного человека, лежавшего на камнях в луже крови. Труп крупного оборотня, валявшийся рядом, отвечал на все вопросы.

Птица не любила людей. Тому было много причин, о большинстве из которых она бы не стала рассказывать первому встречному. Но когда дело касалось спасения жизни, неприязнь отступала на второй план. Спланировав к месту схватки, грифоночка взвалила раненного на спину и рысцой направилась к башне. Она не сразу почувствовала боль от укуса.

– Что ты делаешь?! – вскрикнула Птица, когда ощутила, как спасенный человек вцепился ей в шею. Вампир не ответил, лишь яростнее вгрызся в плотные перья. Злая грифоночка с трудом разжала его челюсти и отбросила хищника в сторону.

– Безумец! – прошипела Птица. – Моя кровь ядовита!

Вампир уже понял это и сам. Схватившись за горло, он осел на песок, тщетно пытаясь вдохнуть. Гневно размахивая хвостом, Птица наблюдала за агонией.

– Он был моим другом, – глухо произнес кто-то за ее спиной. Вздрогнув, грифоночка резко обернулась и уставилась на оборотня, который только что мертвым лежал в луже крови. Волк смерил Птицу не самым приветливым взглядом.

– Он был моим другом, – повторил он мрачно. – Таким, как я, трудно заводить друзей.

– И давно вы за мной охотитесь? – поинтересовалась Птица.

Волк клацнул зубами, но ничего не ответил. Они молчали, пока вампир не перестал дергаться. Только затем, глухо рявкнув, оборотень прыгнул на грифоночку и с человеческим воплем покатился по песку, на этот раз пятная его своей подлинной кровью. Встряхнувшись, Птица подошла к раненному волку и сильным ударом оборвала его мучения.

– У таких, как я, друзей не бывает, – сказала она мертвому оборотню.

7–е, 232 год.

...Скоро минует год с тех пор, как я осталась одна. Зачем я живу здесь? Кто скажет? Когда-то я знала. Как же давно это было, о чистый ветер, как же давно...

Кажется, люди уже догадались о судьбе старого зрителя. Со дня на день следует ждать гостей. Как меня убьют? Хотела бы я знать... Лишь бы не как в прошлый раз.

Н'ктар так и не прилетел. Смешно, в первые дни я верила, что он за мной ухаживает. Куда там... Н'ктар оказался достаточно мудр, чтобы все понять – и ничего не понять. Находим и теряем, в этом все мы. В этом нас нет...

"Но ради чего?" – спросил он, когда я рассказала о себе. – "Ради чего всё это?!"

"Слишком много боли", – ответила я. – "Слишком много боли. Я задыхаюсь, когда ее так много."

Он схватил меня за крылья.

"Кто? Кто обрек тебя на это?!"

Уже тогда я видела, что он ничего не поймет. Но надежда – самый беспощадный истязатель. Ни один палач не сравнится с надеждой в изобретательности и терпении.

Любопытно, зачем я продолжаю дневник старика? Хотела бы я знать. Сколько таких стариков, мужей и юношей, старух, женщин и дев встречалось на моем пути, сколько? Если бы я могла вспомнить!

Но нет, память по-прежнему неподвластна. Порою кажется, будто во мне живет кто-то еще, кто-то совсем-совсем не такой, как я, и в то же время – плоть от души моей, капля крови моего сердца. Птица?

Не зря же меня так зовут...

Вспышка

В этот раз с обозом шли два десятка солдат и маг. На последней телеге везли большую, широкую клетку с блестящими металлическими прутьями.

Птица ждала их снаружи, на утесе, в лучах жаркого летнего солнца. Свежий ветер играл с ее оперением, сверкавшим подобно статуе из хрустальных игл. Первым к грифоночке подошел офицер, за ним солдаты. Маг остался у повозки.

– Чем могу служить? – спокойно спросила Птица. Офицер вздрогнул, но взял себя в руки.

– Где смотритель? – спросил он резко.

– Умер почти полтора года назад. С тех пор за маяком смотрю я.

Солдаты переглянулись. Офицер скрестил руки на груди.

– По какому праву ты поселилась на королевском маяке?

– По праву ученичества. У меня есть грамота, – грифоночка протянула офицеру свиток пергамента. Тот, не читая, бросил его магу.

– Зверь не может занимать пост смотрителя, – отчеканил человек. – У нас есть приказ доставить тебя в королевский зверинец Аннаталана, где его величество лично решит твою участь.

Птица медленно подняла голову. Хотя она сильно выросла за минувшие годы, ей по-прежнему приходилось смотреть на людей снизу–вверх.

Смотреть с бесконечной, неземной печалью.

– Я не могу войти в клетку, – сказала она тихо. – Меня нельзя пленить.

– Ты подчинишься приказу его величества, иначе...

– ...вам придется меня убить, – закончила грифоночка. Уголки пластичного клюва чуть приподнялись в слабой улыбке.

Офицер запнулся.

– Мы не хотим причинять тебе вред, – сказал он после довольно продолжительной паузы. – Грифоны не числятся в реестре вредных существ.

Птица покачала головой.

– Я не могу войти в клетку, – она гордо изогнула шею. – Исполняйте свой приказ.

В этот миг колдун неслышно двинулся с места и сделал несколько шагов в сторону говоривших.

– Не сопротивляйся, – предупредил он. – Я знаю много заклинаний против грифонов. Не пытайся улететь, иначе я оборву тебе крылья.

Птица улыбнулась.

– Вы не сумеете пленить меня, – ответила она просто. – Никто и никогда не сумеет. Оборви мои крылья, если желаешь. Это не прибавит тебе счастья.

Бросив на людей взгляд, полный жалости, Птица зажмурилась и внезапно вспыхнула слепящим синим пламенем. Солдаты с криком отвернулись, маг обратился в каменную статую.

Сверкающая звезда рванулась навстречу Солнцу и скрылась в бездонной синеве, ласково смотревшей на мир с высоты. Потрясенные люди смотрели ей вслед.

Эпilog

...Где я воскресну на этот раз? Хотела бы я знать. Быть может, прекрасная девушка найдет меня в своем первенце, или умудренный годами мудрец бережно нарисует стертым каламом? Не случится ли так, что я восстану из пепла посреди поля брани, явив миру своё второе лицо?

Отец, потерявший семью во время чумы, может найти меня на дне болота, а юный дракон – в чарующих глазах своей подруги. Этот толстый лысый старик напрасно запирает на сто засовов свои кладовые, я никогда не живу в золоте. Мне больше по нраву гнутая медная монетка, способная подарить меня ребенку в сочном яблоке или сладкой карамели.

Мириады существ мечтают о встрече со мной. Тысячи прожигают жизнь в моих поисках. Они знают, что меня невозможно пленить, но надежда – самый коварный из палачей, а я всегда желанна, всегда соблазнительна.

Охотники мечтают оборвать мои крылья. Казалось бы, что может быть проще – подрезать сухожилия синей птице, придавить ее огромным булыжником, обмотать цепями в три слоя, внахлест – и конец! Счастье на века...

О, светлый ветер! Оборви мои крылья! Оборви, не гони больше по свету сухим лепестком! В этом мире слишком много боли. Я задыхаюсь, о ветер.

Я задыхаюсь.

Конец